

ОТВЕТ АНОНИМАМ

28 ФЕВРАЛЯ на страницах «Советской культуры» было опубликовано мое открытое письмо главному режиссеру Театра имени Вл. Маяковского Николаю Павловичу Охлопкову.

Адресат пока что не ответил, что вполне объясняется состоянием здоровья Николая Павловича.

Однако письмо получило отклики. Так, например, Валентина Кобенко из Краснодара находит, что, собственно, режиссера и обвинять не за что. «Я думаю, — пишет она, — что вдумчивый художник перечитал не один десяток пьес, прежде чем остановить свой выбор на той или иной пьесе». Разделяя взгляды автора письма на пьесы В. Пановой, М. Шатрова, А. Вейцлера и А. Мишарина, мой корреспондент полагает, что театр выбрал их «не от хорошей жизни», а просто потому, что лучший пьеса «негде взять», и объясняет это известной оторванностью драматургов от жизни.

В противоположность мнению В. Кобенко, театроревед Ксения Федоровна Комиссарова из Ленинграда находит опубликованное «Советской культурой» открытое письмо «безграмотным», советует «не затруднять внимание читателя высказываниями «эрнеста» видимо мало сведущего и культурного» (в цитате сохранены все поучительные особенности оригинала).

Откровенно говоря, я рад получить у всякого, в том числе и у Ксении Федоровны Комиссаровой, и остается только пожалеть, что урок ее свелся лишь к нескольким энергичным выражениям, а, как известно, подобные выражения есть аргумент того, у кого нет аргументов...

Но — и за то большое спасибо Ксении Федоровне, что, будучи раздражена «некими Русаковыми», она отчитала его откровенно и прямо, назавшись полным именем своим, даже и то упомянув, что она заслуженная артистка РСФСР и театроревед.

Такова «амплитуда колебания» откликов на открытое письмо Н. П. Охлопкову: от полной поддержки взглядов, изложенных в нем, до полного отрицания права автора свое суждение иметь. И в этой разноголосице нет ничего удивительного, по крайней мере, пишущие люди давно к ней привыкли.

Но было два отклика, о которых стоит поговорить особо. Это — отклики анонимов, людей, не пожелавших назвать себя.

В тот же день, когда вышла газета с открытым письмом, мне кто-то позвонил по телефону. Раздался женский голос, взволнованный, прерывающийся. Послышались слова:

— Получили свои тридцать сребренников?

И — высокие, короткие гудки: видимо, у анонима в буквальном смысле этого слова не хватило «духа», попросту — оборвалось дыхание.

Но рассказываю я об этом не для того, чтобы посмеяться над чьей-то трусливостью и подлостью (если не предполагать меркантильности).

Пресловутые «тридцать сребренников», как известно, являются центром предательства. Смысл фразы, сказанной мне по телефону, вполне ясен: я предал Н. П. Охлопкова, почступил, как Иуда.

А знаете что, телефонная Анонимка, — ведь это не я, а вы предали его, — да, да, бесчестно, тайно предали.

Посудите сами. Мое «предательство» заключалось только в том, что я позволил себе высказать некоторые критические замечания о некоторых спектаклях Театра имени Вл. Маяковского. При несогласии с этими замечаниями, их можно оспаривать, опровергать даже. Во всяком случае они никак не затрагивали чести и достоинства прославленного режиссера.

А ваше заявление? Не называясь, вы даете основание думать, что вы принадлежите к людям, близким тому, кого вы ринулись «спасать», или по крайней мере к числу его поклонников.

Представьте же теперь состояние Н. П. Охлопкова, когда он узнает, какие у него нашлись «ученики». Ведь совершенно ясно, что рассматривать критику как предательство способен только человек, чуждый всем партийным принципам, чуждый вообще советскому обществу. А по пословице: скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты...

Я не сомневаюсь, что Н. П. Охлопков с гневом и отвращением узает о вашем поступке — и пусть это послужит уроком для всех других анонимов, подобных вам.

Со своей стороны я хотел бы «откреститься» от Анонимы, сыгравшей то ту же шутку со мной, как вы с Н. П. Охлопковым.

Этот с восклицательными знаками приветствует мое выступление в газете, но возмущается «политесом» (то есть вежливостью). Ему кажется, что, выказав уважение к адресату, я «унишил свое человеческое достоинство», выказал «благонамеренность» и т. п. Ему хотелось бы, чтобы я назвал работы Театра имени Вл. Маяковского «трюкачеством», «выкрутиасами», а за главным режиссером не признавал никаких талантов. Дабы придать мне смелости, Аноним обещает: «Народ вас поддержит».

Плохо вы посоветовались с народом, Аноним! Никогда он не поддержит того, кто осмелится оплевывать то, что для народа ценно и дорого.

Н. П. Охлопков снискал, действительно, всенародную известность — своим талантом, творчеством, новаторством. И я целиком разделяю высказанную некогда мысль насчет того, что «только ничтожество может без раздумий сокрушать общепризнанные авторитеты».

Вот что я хотел сказать анонимам... нет, не анонимам, а читателям об анонимах.

Они скрывают свои имена, но не могут скрыть своей подлости.

Вас. РУСАКОВ.

С. МОСКВА

26 МАРТ 1966